

Глава 9. Образы глобального мира в диалоге культур

9.1. Классическое видение глобализации человеческого общества

9.2. Современные концепции и образы глобального мира

Вопросы для обсуждения и дискуссии

9.1. Классическое видение глобализации человеческого общества

Глобальность является в сущности неизбежной проблемой современного мира.

Р.Робертсон

Диалог культур сегодня разворачивается на фоне формирующихся глобальных структур экономических, политических и социальных отношений, простирающихся через границы цивилизаций. Как верно заметил П.Уорслей, “до сих пор единое человеческое общество вообще никогда не существовало”, но сегодня уже ни одна страна не может считаться “самодостаточным островом”. Р.Робертсон определяет глобализацию как “ряд процессов, которые составляют единый мир”. Какие же процессы мы можем назвать глобальными?

Начнем с политической картины мира. XX век продемонстрировал могущество наднациональных военно-политических блоков (НАТО и бывшая Организация Варшавского договора), возможности коалиций правящих групп (Большая семерка), континентальных и региональных объединений (Европейское сообщество), всемирных международных организаций (ООН, ЮНЕСКО). В конце XX века наметились контуры “всемирного правительства”: некоторые международные организации стали выполнять важные политические интеграционные функции (Европейский парламент. Международный трибунал, Интерпол). В экономической сфере усилилось значение глобального разделения труда, возросла роль транснациональных корпораций, которые стали могущественными силами мировой экономики. Утратив национальные корни, подобные корпорации действуют по всему миру, используя местные ресурсы и субсидии (“Пепси-Кола”, “Мак-Дональдс”, “Дженерал Моторс”). С каждым годом на мировом рынке усиливается роль международной координации и интеграции, мировых и региональных экономических соглашений (ЕФТА, ЕС, ОПЕК). Валютные рынки и рынки ценных бумаг молниеносно реагируют на события в самых отдаленных уголках земного шара, гибко изменяя финансовую политику.

Тенденции глобализации не обошли и сферу культуры, хотя здесь они заметны не столь сильно. Средства массовой информации сближают народы и континенты,

информируя миллионы людей о событиях в разных концах планеты, приобщая их к разнообразному культурному опыту, традициям и обычаям самых экзотических племен и народностей. Стремление решить глобальные проблемы, которые затрагивают интересы народов на всех континентах, ведет к формированию мирового гуманистического сознания. Как отмечает М.Чешков, к такому сознанию в первую очередь можно отнести “так называемую мировую интеллигенцию, гуманитарную и научную, и движения — пацифистские, альтернативные, экологические”, которые “воспроизводятся и осознают себя в глобальном масштабе”. Компьютерные технологии способствуют развитию унификации в другом направлении: они демонстрируют единство обработки, хранения и передачи информации универсальными способами. Все эти многообразные изменения заставили современных ученых рассматривать социально-политические процессы с позиций мирового сообщества. Национальный и даже региональный масштаб сегодня явно недостаточен, поскольку глобализация изменяет фундаментальные качества политических процессов. Любое крупное политическое событие сразу же находит отклик по всему свету и эта обратная связь становится влиятельным политическим фактором современности. В глобальном мире политические процессы развиваются по своим законам: здесь формируются свои движущие силы, свои коммуникации и направления движения.

Долгое время феномен глобализации рассматривался в социально-политических теориях преимущественно с позиций Экономико-центризма. Это вполне объяснимо, поскольку именно в экономической сфере глобализация с самого начала была наиболее очевидной. В рамках Экономико-центризма были разработаны три основные концепции, которые сегодня уже могут считаться классическими: теория империализма, теория зависимости и теория мировой системы.

В.Ленин и Н.Бухарин видели тенденцию глобализации в экономической экспансии империализма— завоеваниях, колонизации и экономическом контроле. Они определяли империализм как высшую и последнюю стадию капитализма, когда перепроизводство товаров и падение нормы прибыли вынуждают его к экономическому наступлению на слаборазвитые страны. Экономическая экспансия решает три основные проблемы: приобретение дешевой рабочей силы, дешевого сырья и обширных рынков сбыта товаров. В результате мировая экономика становится все более асимметричной: несколько метрополий беззастенчиво эксплуатируют большинство менее развитых обществ. Вмешаться в этот процесс и покончить с мировой несправедливостью может только всемирная революция пролетариата.

Марксистские корни и левая ориентация определяют и другую популярную концепцию глобализации — теорию зависимости. Она была разработана в Латинской Америке в 50-60-е годы. Основная идея этой теории в том, что причина отсталости слаборазвитых стран кроется не столько во внутренних факторах, сколько во внешних воздействиях. Один из авторов теории зависимости — П.Пребыш, подчеркивал, что в мировой экономике четко различаются доминирующий центр (высокоразвитые индустриальные державы) и периферия (многочисленные аграрные страны).

Развивая его идеи, Ф.Кардозо и Е.Фалетто объясняли зависимое развитие отсутствием самостоятельных технологий и развитого национального производства основных товаров. Они достаточно резко критиковали уродливые формы зависимого капитализма: “Накопление, экспансия и самореализация местного капитала неизменно требуют поддержания извне, на национальной почве эти процессы невозможны. Чтобы

выжить, зависимый капитализм должен включиться в систему мирового капитализма”. Вместе с тем глобальные экономические взаимосвязи могут оказаться при благоприятных обстоятельствах и средством освобождения от зависимости. Постоянный приток иностранных капиталов способствует появлению в разных областях высокотехнологичных предприятий, где обучаются высококвалифицированные кадры и формируется местная элита менеджеров. Эти количественные изменения при условии гибкой национальной политики могут привести к качественному скачку—экономическому прорыву—и в результате уменьшить экономическую зависимость. Страны АТР (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) демонстрируют успешное развитие именно по такому пути.

Уже упоминавшаяся в предыдущей главе теория мировой системы И.Уоллерстайна выступает одним из вариантов концепции мировой экономической зависимости. Уоллерстайн подчеркивает, что рыночная капиталистическая система обнаруживает колоссальный потенциал к расширению. Возникнув в ведущих государствах Западной Европы, она быстро достигла периферии. Дешевые и разнообразные товары массового потребления делают ее необычайно привлекательной для широких слоев населения. Концентрация политической и военной власти вокруг крупного капитала способствует ускоренному распространению новейших технологий по всему миру.

Мировая система, по Уоллерстайну, имеет три уровня государств: центральные, периферийные и полупериферийные. Слаборазвитые периферийные государства “были впряжены в колесницу мировой системы основными государствами, но остались в роли пристяжных”. Асимметричность и иерархичность мировой системы сохранятся в дальнейшем, несмотря на все ускоряющуюся динамику мирового развития в целом. Уоллерстайн рассматривает мировую систему как глобально-системный феномен, в котором ведущая роль принадлежит наднациональным, глобальным факторам. Толчок к изменениям дают международные контакты, конкуренция, столкновения и конфликты в зонах взаимного влияния.

Осознание процесса глобализации в рамках экономико-центричного научного мышления имело целый ряд негативных последствий. Прежде всего, феномен глобализации стал рассматриваться как непреложная закономерность, вытекающая из объективных экономических процессов. Поэтому глобальное моделирование первоначально страдало механической экстраполяцией доминирующих экономических тенденций на международное развитие в целом (деление на центр и периферию при неизбежном отставании периферии и пр.). Помимо этого определение глобализации в терминах теории систем как особого типа социально-системного образования в паре с противоположным типом—локализацией,—привело к недооценке и третированию локальных процессов, которые практически исключались из глобального моделирования.

Как справедливо отмечает М.Чешков, “преимущественно системный подход (мир как особый вид социальной системы) вызвал возражение тех, кто был не склонен видеть в этом предмете свойства объекта системного класса. И не только потому, что он еще не сложился, а потому что сомнительной кажется генерализация системного подхода вообще (позиция историков)”.

И, наконец, все представленные экономико-центричные картины глобализации не способны объяснить культурно-историческое разнообразие мира, сохраняющееся в условиях экономической унификации и зачастую конфликтующее с ней. Стало

очевидным, что осознание процесса глобализации мирового сообщества требует новых подходов, способных объяснить интеграционные процессы в самых разных сферах общественной жизни.

9.2. Современные концепции и образы глобального мира

Нет вершин без пропастей.

Громадными будут силы, высвобожденные в человечестве внутренним действием его сплочения.

Но не исключено, что завтра так же, как и вчера и сегодня, эта энергия будет действовать несогласно.

П.Т. де Шарден

Образы глобального мира и теории глобализма разрабатываются сегодня учеными самых разных научных направлений — социологами, антропологами, философами, политологами, историками. Проблемы глобализации культуры наиболее интересно представлены социальными антропологами и культурологами. Их мнения по поводу феномена глобализации достаточно противоречивы. Убежденные “западники” склонны отождествлять глобализацию с вестернизацией, превознося цивилизационную миссию западного мира. Они приветствуют борьбу с варварством “традиционных” обществ, искоренение язычества и дикарских обычаев незападных культур.

Однако большинство ученых справедливо возражают против отождествления этноцентризма с глобализмом. Они видят в вестернизации “культурный империализм” западного мира, который ведет не к глобализации культур, а к “новому варварству” и “бескультурью”. Как отмечает С.Хамелинк, “из-за культурной синхронизации, не имеющей исторических прецедентов, впечатляющее разнообразие мировых культурных систем значительно уменьшается”. Ключевой проблемой для культурологов сегодня выступает интерпретация культурного разнообразия мира как органичной функциональной особенности процесса глобализации. В этом направлении идут интенсивные научные поиски, и наибольший интерес, на мой взгляд, представляют

концепции У.Ганнерса и Ш.Айзенштадта.

Ганнерс разрабатывает теорию глобальной ойкумены как региона постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на язык другой.

Глобальная ойкумена непрерывно расширяется, сохраняя сложную асимметричную структуру “множественного конгломерата с различными специализированными и региональными центрами”, которые эволюционируют в разных направлениях. Он называет несколько таких современных центров: в области науки, технологий и массовой культуры — США, в сфере корпоративной культуры — Япония, в производстве деликатесов и сверхмодной одежды — Франция, среди региональных центров — Ватикан (в католическом мире), Мекка и Кум (в исламском мире), Мексика (в Латинской Америке), Египет (в арабском мире).

Как полагает Ганнерс, процесс глобализации может развиваться в четырех основных направлениях. Наиболее предпочтительным был бы сценарий “созревания”, или глобализации без вестернизации. В глобальной ойкумене происходят равноправный диалог и обмен информацией между крупными культурными метрополиями и многочисленными периферийными культурами. При этом метрополии выступают в роли стимуляторов, оживляющих развитие периферии и способствующих обогащению местных культурных ценностей. Но периферийные культуры в свою очередь активно интерпретируют привнесенные идеи, существенно модифицируют культурный поток и тем самым влияют на культуру метрополии. Так в диалоге культур происходит процесс их “гибридизации”. В глобальной ойкумене все культуры — сложные синтетические образования, в которых глубинные ритмы локального наследия переплетаются с транснациональными мотивами.

Ганнерс предупреждает, “Что возможны и другие сценарии глобализации — в духе унифицирующей мир вестернизации, но все они ведут в тупик “культурного империализма”. Сценарий “глобальной гомогенизации” предполагает полное доминирование западной культуры в мире: все страны копируют западный образ жизни — одни и те же товары в универсамах, мыльные оперы на телеэкранах, бестселлеры в магазинах, хиты на дисках. Сценарий “сутурация-насыщение” выступает одной из версий подобной унификации. Периферийные культуры медленно впитывают в себя культурные образцы Запада, постепенно все больше насыщаясь ими, и через несколько поколений местные культурные традиции исчезают, уступая место культурной однородности.

Но возможна и другая версия: сценарий “периферийной коррупции”. Он предполагает разложение западной культуры в процессе адаптации на периферии.

Высокоинтеллектуальные достижения Запада периферийные культуры отфильтровывают, оставляя место лишь для информации самого низкого уровня: воспринимается рэп, а не Бетховен, детективы и порнография, а не произведения лауреатов Нобелевской премии, “Санта-Барбара”, а не Шекспир. Так реализуется тенденция “культурной свалки” — распространение избытка продукции низкого качества на периферийных рынках. Одновременно происходит искажение западных ценностей в процессе адаптации к привычному образу жизни. Известно, что в тоталитарном обществе демократические ценности легко перерождаются: равенство сводится к кумовству и семейственности, свобода собраний превращается во фракционизм и непрерывную клановую борьбу.

Четыре сценария У.Ганнерса достаточно полно отражают современную интеллектуальную полемику среди культурологов. Ш.Айзенштадт присоединился к сценарию “созревания”, вслед за Ганнерсом выбрав путь глобализации без вестернизации. Изучив историю культурного диалога древних и современных цивилизаций, Айзенштадт пришел к выводу, что процесс гибридизации культур в поле межцивилизационных взаимодействий действительно является всеобщим. Современные культуры кристаллизовались путем отбора, а следовательно, трансформации значительного количества традиций, символов и институтов как национальных, так и заимствованных у других цивилизаций. Глобализация не исключает, а подразумевает развитие вариативности, поскольку именно в ней содержится потенциал для дальнейшего развития человечества.

Поиски культурологов во многом совпадают с идеями социологов и историков по поводу развития процесса глобализации в современном диалоге культур. Анализируя социальные силы, которые “воспроизводятся и осознают себя в глобальном масштабе”, Чешков предлагает пять проектов мирообщности.

Первый проект — западный, или либерально-рыночный (условно—мир по подобию Запада); гегемон—прозападные мировые организации и прозападная мировая интеллигенция при опоре на транснациональные силы и поддержке части межгосударственных сил.

Второй проект— мир равноположенных разнообразий; гегемон — мировая гуманитарная интеллигенция при поддержке межгосударственных сил и части религий.

Третий проект — мир равнозначимых государств; гегемон — межгосударственные объединения при поддержке части представителей мировых организаций и великих религий.

Четвертый проект — мир через доминирование локального; гегемон — фундаменталистские течения восточных религий (например, ислам) при поддержке части межгосударственных сил.

Пятый проект — мир без угнетения и неравенства; гегемон — часть гуманитарной интеллигенции при поддержке некоторых великих религий.

Легко заметить, что второй, третий и пятый проекты во многом пересекаются: мир без угнетения и неравенства — это мир равнозначимых государств, мир равноположенных разнообразий. Поддерживают эти проекты мировая гуманитарная интеллигенция, часть великих религий и некоторые межгосударственные силы. Поэтому у Чешкова, по существу, представлены три соперничающие идеи глобализации: западная (либерально-рыночная), фундаменталистская и гуманитарная.

Если мы обратимся к концепциям западных политологов и социологов, то при всем многообразии проектов глобального мира, которые здесь созданы, за ними скрываются все те же три конкурирующие идеи. И это не удивительно: сегодня именно эти идеи определяют развитие диалога культур.

Однако нельзя обойти молчанием один примечательный факт: в 90-е годы все чаще стала заявлять о себе концепция антиглобализма. Диалог культур когда-то начинался с преодоления этнического сепаратизма, и вот сегодня эта идея вновь оживилась в ответ на “культурный империализм” вестернизации, которую пытаются представить в качестве истинной глобализации. Примечательна с этой точки зрения типология “образцов мирового порядка”, разработанная Р.Робертсоном. Он начинает свою типологию именно с антиглобалистского сценария “Gemtinschaft 1”: мир как мозаика

ограниченных, закрытых цивилизаций. Робертсон подчеркивает, что некоторые фундаменталистски ориентированные силы мирового сообщества хотели бы “восстановить свои исконные социальные образования, полагая при этом, что остальные цивилизации должны быть закрытыми и не представлять угрозы “лучшему” устройству”. Второй сценарий — “Gemtinschaft 2” — возрождает древнюю идею Царства Божия на земле, которую проповедует сегодня целый ряд экуменических движений, римская католическая церковь (известное обращение ко всему человечеству по поводу “евангелизации”), экологические движения. Осуществление этого проекта предполагает общепланетарный консенсус по поводу основополагающих ценностей и идей в области международной безопасности, международных границ, международного права. Третий сценарий —

“Gesellschaft 1” — представляет мир как совокупность взаимно открытых суверенных национальных государств, между которыми существуют интенсивный экономический, политический и культурный обмены. Р.Робертсон предполагает здесь две версии: эгалитарную (международные партнеры являются политически равными участниками в диалоге культур) и иерархическую (сохраняется иерархия цивилизаций, где лидеры обеспечивают гарантию стабильности). Четвертый сценарий — “Gesellschaft 2” — предполагает объединение человечества под эгидой некоего мирового правительства при унификации национальных государств. Марксисты и западные либералы при всех различиях в идеологии выступают именно за такой проект глобализации. Известно, что сейчас всерьез обсуждаются возможности трансформации Европейского сообщества от экономической интеграции к более политизированным формам. Концепции социологов и политологов наиболее ярко свидетельствуют о том, что тенденцию глобализации сегодня пытаются поставить под контроль самые разные социальные силы, борющиеся за мировое влияние. Поэтому многочисленные проекты глобального мира так противоречивы, а само мироведение как отрасль научного знания до сих пор не конституировано. У представителей мирового гуманистического сознания — мировой интеллигенции, многочисленных участников пацифистских и экологических движений — сегодня есть шанс отстоять свой проект при одном условии: они должны объединиться и во весь голос заявить о себе в крупных международных организациях, где в данное время господствуют прозападные либеральные идеи.

Необходимо, наконец, разоблачить антигуманную сущность вестернизации-глобализации. С позиций долговременной социокультурной перспективы очевидно, что осуществление этой западной стратегии в конечном счете готовит проигрыш всему человечеству: негуманная, завоевательно-потребительская тактика “фаустовской культуры” ведет весь мир в экологический и нравственный тупик. Как подчеркивает А. Швейцер, “сегодня история человечества решает вопрос о возобладании гуманного или негуманного мировосприятия. И если решение это будет в пользу антигуманности...— человечество погибнет”.

В начале XXI века, как и во все времена, человек остается существом, взыскующим смысла,—не просто пассивным потребителем материальных благ. На наших глазах происходит процесс актуализации цивилизационной памяти незападных народов— православных, мусульманских, индо-буддийских, конфуцианско-буддийских. Мир стоит на пороге невиданного прежде ренессанса незападных культур. Каким будет этот ренессанс, куда он приведет народы разных цивилизаций? П.Т. де Шарден предупреждает об опасностях, которые таит коварная доктрина “прогресса путем

обособления”—доктрина селекции и избранности рас: “Льстящий коллективному эгоизму, более живой, более благородный и еще более чувствительный, чем индивидуальное самолюбие, расизм для своего обоснования принимает и продолжает линии древа жизни строго такими, какие они есть, в их перспективах”. Очевидно, что тенденция глобализации будет развиваться в перспективе открытой, непредсказуемой истории, преодолевая серьезные препятствия на своем пути. Когда-то на заре цивилизации архаичных племенных богов победила и вытеснила великая римская идея. Сегодня история повторяется. Сумеют ли представители мирового гуманитарного сознания противопоставить новому трайболизму сильную гуманистическую объединительную идею, сочетающую рационализм пользы с пафосом защиты великих общечеловеческих ценностей? От ответа на этот вопрос зависит будущее глобального мира.

Вопросы для обсуждения и дискуссии

1. Как вы оцениваете эвристический потенциал экономико-центристских версий глобализации: теории империализма, теории зависимости, теории мировой системы?
2. Может ли современная глобалистика радикализировать тезис о постиндустриальном обществе в духе такого же радикального отличия от предшествующей индустриальной эпохи, каким последняя отличалась от традиционного аграрного общества?
3. Ожидает ли политическую глобалистику новое развитие постмодернистского проекта или его решительный пересмотр в духе восточной ревизии западного “прометеева мифа”?
4. Согласны ли вы, что современная глобалистика должна отказаться от этно-центристских моделей?
5. Как вы оцениваете теорию “глобальной ойкумены” У.Ганнерса? Какой из его четырех сценариев кажется вам наиболее вероятным?
6. Сравните пять вариантов глобализации в концепции М.Чешкова. Какой из них вам кажется наиболее удачным?
7. Почему, на ваш взгляд, в конце XX века стали пользоваться все большей популярностью концепции антиглобализма?